

Игорь Маранин

СБЕЖАВШИЙ МЛАДЕНЕЦ

и другие дела

Игорь Юрьевич Маранин Сбежавший младенец. И другие дела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309409

ISBN 9785448528156

Аннотация

На углу улиц Последней надежды и Греческих оракулов стоит старинное трёхэтажное здание из красного кирпича. Если зайти во двор со стороны фабрики самобраных скатертей, то сразу видна большая железная дверь с медным колокольчиком и аккуратная металлическая табличка с надписью «Муниципальное унитарное предприятие «Счастье». Именно здесь, на втором этаже, я и работаю. Позвольте представиться: инспектор отдела исполнения желаний Иван Егорович Потапенко.

Содержание

Дело о потерянной удаче	5
Дело бакенщика	29
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сбежавший младенец И другие дела

Игорь Юрьевич Маранин

© Игорь Юрьевич Маранин, 2017

ISBN 978-5-4485-2815-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дело о потерянной удаче

На углу улиц Последней надежды и Греческих оракулов стоит старинное трёхэтажное здание из красного кирпича. Если зайти во двор со стороны фабрики самобраных скатертей, то сразу видна большая железная дверь с медным колокольчиком и аккуратная металлическая табличка с надписью «Муниципальное унитарное предприятие «Счастье». Именно здесь, на втором этаже, я и работаю. Позвольте представиться: инспектор Отдела исполнения желаний Иван Егорович Потапенко. Или просто Горыч, как называют меня друзья. Я не возражаю: Горыч так Горыч. Вот когда джином именуют – не люблю. Антинаучно это и непрофессионально пользоваться подобным жаргонным словечком. Дешёвыми восточными сказками пахнет. Халвой горелой, право слово.

Мы – контора казённая. Работаем, в основном, с бедняками. Бродягами, попрошайками, покойниками... В общем, публика ещё та, сплошная социалка. Только за сегодняшний день было три вызова в тюрьму и пятнадцать в родильные дома. Нюрка и Анфиска – наши специалисты по первым желаниям – буквально на части разрывались. Нюрка из карликовносос – нос большой, симпатичный, поллица закрывает. По нынешней моде на большеносых у неё от ухажеров отбоя нет. Пятый размер все—таки, не у каждой такое на лице вы-

росло.

Анфиска – та другая. Огонь, а не женщина! Прабабка у Анфиски саламандрой была, так что если молодой парень без прививки от несчастной любви разок на неё глянет – считай пропал. Безответная несчастная любовь второй, а то и третьей степени. Ходи потом по больницам, лечись несколько лет. Да что там юнцы безусые, бывало опытных мужиков и тех ноги сами до цветочной лавки доносили! Мне —то что... у меня этих прививок целых двенадцать. А и то сердечко иногда так скрутит...

По последним желаниям работает у нас Абатыч. Хороший мужик. Весёлый, краснощёкий, с большой лысиной ото лба до затылка, а ещё обжора страшный и матершинник. Килограмм сто тридцать весит, не меньше. И это при весьма скромном росте. Но наденет свою серую веригу с капюшоном, и приговорённые к смерти его пуще казни боятся. Абатыч и покойниками занимается – те вообще отвязная публика. Сегодня заявился один трёхдневный, требовал оживить его на день рождения племянника. Скандал устроил. А у самого в завещании об оживлении ни слова, справки от врача нет. А если он заразный? Так пока Абатыч из тюрьмы не вернулся, покойник этот сидел в коридоре и назло всем разлагался. Запах стоял на все три этажа.

Альфи Штейн – умница, энциклопедист и жуткий зануда во всём, что касается правильного произношения – большой дока по несбыточным желаниям. Есть у Альфи одно

тайное и страстное увлечение – мифические страны. Мечта всей жизни – Советский Союз найти. А мифические страны, между прочим, императорским указом запрещено искать. Советский Союз, СССР, Советскую Россию, Империю зла, Совдепию, Союз Советских Социалистических республик, Совок... все три десятка стран, перечисленных в Указе о правилах оказания услуг по исполнению желаний физическим и юридическим лицам. Хотя, как по мне, ерунда всё это. Ни одной из этих стран и не существовало вовсе. Досужие выдумки сказочников.

Мальдус – высокий и худой, с длинными седыми волосами и абсолютно невосприимчивый к шуткам – занимается необычными желаниями. Всем тем, что спряталось в Указе за словами «и прочее». Свободный художник, одним словом. Ходят слухи, что у него в роду древние маги были, но я не верю. Древние маги – такая же чушь, как и мифические страны.

А вот про чьих предков известно точно – это про предков Ивана Поганки. Все они были разумными грибами. Весьма ядовитыми, кстати. Оттого и фамилия у него такая. Маленький, тощий и язвительный, Поганка специализируется на тайных желаниях, и его никогда нет на рабочем месте.

Ну а я... Я занимаюсь всем помаленьку. Стажер—подмена, одним словом, хотя и числюсь официально на должности инспектора.

Кукушка, что живёт в часах на стене нашего кабинета, существо ужасно ленивое и прожорливое. Толстая, неповоротливая, вечно взъерошенная и чем—то недовольная, она частенько запаздывает, сообщая время. Вот и на этот раз вылезла из своего домика, сонная и хмурая, прохрипела что—то неразборчиво и скрылась обратно. Судя по всему, было уже два часа пополудни. Нюра и Анфиска ещё не вернулись из родильных домов, Абатыч провожал на кладбище покойника, Штейн отправился с поручением в приют для снесённых памятников, а Мальдус отлучился в прокатную лавку — сны менять.

А я сидел, положив ноги на стол, и читал свежий выпуск «Столичных новостей». Последнюю страницу, там где фельетоны, забавные истории и анекдоты. В дверь вежливо постучали. И едва мои ноги заняли привычное место под столом, как в кабинет вошёл мужчина лет сорока в дорогом костюме, с толстой папкой в руках и воробьём на плече. Не наш обычный контингент. И массивное кольцо с бриллиантом на пальце, и птица не из тех, что хлебные крошки на улицах выпрашивает. Ухоженная птица, породистая. Это только бедняки говорят: слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. Хорошо обученный охотничий воробей может за день до тысячи вылетевших слов поймать.

— Присаживайтесь, — кивнул я на стул.

Посетитель подозрительно посмотрел на шаткую древнюю конструкцию, но спорить не стал, сел напротив и поло-

жил толстую папку прямо на мою газету.

– Желание у меня несколько необычное, господин инспектор, – сказал он. – Вы знакомы с теорией подаренной удачи?

– Что—то не припомню, – пожал я плечами. Был бы здесь Штейн, он наверняка ответил бы утвердительно. Но ни Альфи Штейна, ни кого другого не было, и разговаривать с этим загадочным посетителем всё равно предстояло мне.

– Видите ли, – улыбнулся гость. – Я и есть автор этой самой теории. *Desipere in loco*, как говорили древние: безумствуй там, где уместно. Более всего, скажу я вам, уместно безумствовать в науке. Позвольте представиться: Михаил Степанович Копунов, профессор Императорской изотерической академии.

– Инспектор Потапенко, – растеряно произнёс я. Вот же удружил Мальдус, отправившись в лавку. Чтоб ему сны от гоблинов попались! Пусть всю ночь гнусавые голоса донимают.

– И в чём же ваша теория состоит? – спросил я, пытаюсь оттянуть время до прихода Мальдуса.

– Человек вовсе не кузнец своего счастья, как утверждает современная наука. Ну, сами, подумайте, господин Потапенко, разве наше счастье похоже на чугунную болванку, чтобы по нему молотком колотить?! Счастье зависит от удачи, а удача... Полагаю я, что удача – это подарок богов. Некоторые из нас в детстве получают в подарок удачу, даже не подозревая об этом

– Пока что не улавливаю, – честно признался я.

– Да всё очень просто, – улыбнулся гость, – некоторым счастливицам в детстве попадаются необычные игрушки. То есть игрушки—то самые обычные: кукла или, скажем, игрушечный ковёр—самолет. Но они не простые, а волшебные. Рах деогит, благоволение богов, удача. Если эта игрушка сопровождает тебя всю жизнь – пусть даже в позабытом свёртке в чулане – то человеку везёт всегда и во всем. Понимаете?

– Допустим, понимаю, – вздохнул я, – но от меня—то вы чего хотите?!

– Я хочу, чтобы вы нашли мой потерянный футбольный мяч, – совершенно серьёзно заявил Михаил Степанович.

– Какой мяч? – опешил я.

– Обыкновенный футбольный мяч. Мне его подарили лет в семь. Полгода я точно им играл, а потом... потом не помню! Сдаётся мне, что этот мяч и был подаренной мне удачей.

– Четырнадцать часов... ик... тридцать минут, – выползла из своего домика кукушка и, секунду подумав, добавила, – кажется...

По—моему она была пьяна. Что не удивительно – с прежнего места работы её выгнали именно за пьянство. Я вытащил из—под оставленной профессором папки свою газету, взгромоздил ноги на стол и продолжил чтение. Необычные желания – по части Мальдуса, вот пусть и разбирается с «обыкновенным футбольным мячом». Не успел я, одна-

ко, найти недочитанный фельетон, как дверь снова распахнулась, и в кабинет заглянул шеф. Мои нижние конечности стремительно слетели со стола, газета упала в стоявшую рядом урну, а я принял сугубо деловой вид. Шеф обвёл хмурым взглядом комнату и язвительно поинтересовался:

– У нас что, дел нет?

– Только одно, – сообщил я. – Сейчас Мальдус вернётся и займётся им.

– Мальдус мне самому нужен, – отрезал шеф. – Что за дело? Кто заказчик?

– Да чокнутый профессор какой—то... Уверяет, что потерял в детстве мяч, а мы должны его отыскать.

– Ну, вот и займись этой ерундой! Все равно дурью маешься.

И грузная фигура шефа скрылась в коридоре. Оставив дверь распахнутой. Вообще-то он хороший мужик, наш шеф. Льготы нам недавно выбил: проезд на ковре-самолёте к месту отпуска и обратно. Правда, на самом краю ковра, возле туалета, но зато бесплатно. Но почему он никогда не закрывает за собой дверь?! Вздохнув, я поднялся со стула, закрыл кабинет и вернулся на рабочее место. Недовольно посмотрел на папку и нехотя придвинул её к себе.

Теоретически найти вещь, о которой не помнишь ничего, можно. Нужно подать запрос в Департамент памяти, который разошлёт повестки давно позабытым знакомым,

затем пригласит их на воспоминания, затем будет обобщать и анализировать информацию, и снова кого-то приглашать... В общем, долгая и дорогостоящая процедура. И весь этот путь профессор уже прошёл: в папке лежали запросы в Департамент и кипа совершенно бесполезных отчетов. Никто из знакомых профессора ничего не помнил об этом мяче. «А был ли он на самом деле?» – мелькнула у меня мысль. Мелькнула и тут же исчезла: был или не был, а работать всё же придется. Я вытащил верхний конверт из папки, вскрыл и начал читать:

«В ответ на Ваш запрос от... за номером... официально сообщаем, что в период с... по... данных о детских резиновых мячах фабрики „Dona Maga“ в памяти ваших знакомых не обнаружено. С вас три тысячи двадцать четыре рубля или плохо будет».

– Вот же подлецы! – вслух возмутился я. Департамент, в отличие от нашей конторы, ходил у императора в любимчиках. И вот тому очередное доказательство: они всё-таки пробили разрешение о вставке угроз в официальные письма!

Дело было насквозь тухлое. Если уж Департамент не справился... Если уж не справился... Стоп. Как там говорил профессор? Теория подаренной удачи? Леший меня побери, неужели всё так просто?! Мысль о том, что я могу в одиночку утереть нос ненавистному Департаменту захватила меня с головой. И я потерял всякое чувство меры: взял и подделал подпись Поганки на разрешении выдать мне в гараже наш

старенький ковёр-самоход. Выскочил из кабинета, хлопнув дверью, и чуть не сшиб поднимающегося по лестнице Мальдуса.

– Какая муха тебя укусила? – удивился он, отлипая от стены и отряхивая свой длинный чёрный плащ, расшитый жёлтыми рунами.

– Профессор Императорской изотерической академии, – выпалил я и даже остановился в дверях, чтобы полюбоваться на вытянувшееся от изумления лицо Мальдуса. Ну не понимает человек шуток. Не по-ни-ма-ет.

За что я люблю наш конторский ковёр—самоход, так это за манёвренность. Маленький и юркий, он способен проехать даже сквозь дырку в бублике. А уж в час пик, когда улицы города забиты пробками, ему просто цены нет. Дорожный просвет у ковра до семи метров, так что я запросто мог «перепрыгивать» перекрёстки, чем без зазрения совести и пользовался. Водители провожали меня завистливыми взглядами и нелестными эпитетами, но мне не было до этого никакого дела. Уже через двадцать минут я лихо притормозил у ворот школы, где когда-то учился Михаил Степанович. Аккуратно свернул ковёр, запихнул его в свободную ячейку коврохранилища и отправился выяснять, кто из учителей преподавал будущему профессору азбуку, жив ли он ещё и как его можно найти. С учителем мне повезло, причем безо всякого рах deorum – он всё ещё работал в школе, более того – был

на месте. Маленький седой старичок с аккуратным пенсне на носу и знаком «За заслуги перед Империей» на лацкане пиджака встретил меня настороженно. Однако удостоверение инспектора по исполнению желаний его успокоило.

– Миша Копунов? – переспросил он. – Ну, как же, отлично помню! Способный был мальчик, да... Вы знаете, кто он теперь? Профессор Императорской академии!

– А вы случайно не помните, – поинтересовался я, – каких-нибудь необычных происшествий из тех времен? Может быть, кто-то из одноклассников выиграл в лотерею? Или был приглашён на детский новогодний бал во дворец? В общем, чтобы кому-то крупно, а главное неожиданно повезло.

Старичок задумался. Постучал карандашом по столу, словно прибывал им разбегающиеся воспоминания, беззвучно пошевелил губами и даже прикрыл глаза, вглядываясь в далёкое прошлое. Наконец, его карандаш в последний раз стукнул по столу и старый учитель оживился.

– Вася Коновалов! – сообщил он мне. – Да...

– Что «да»? – не понял я.

– За одной партой с Мишей сидели. Вихрастый такой, худенький, нос длинный... Вы читали притчи великих итальянских мудрецов?

Я отрицательно помотал головой. При чем тут притчи?

– Вылитый Пиноккио, да... А уж непоседа какой был! Постоянно у меня уроки срывал, оболтус.

– Так что Вася? – нетерпеливо перебил я. – Что с ним

произошло?

– Попался на глаза ткачу сновидений. Может, помните такой сон «Приключения Мажмемуратика»? Вася как раз этого самого Мажмемуратика и сыграл, да... Очень популярный детский сон был.

Адрес Васи Коновалова я без труда выудил из школьных архивов. Бывшая звезда детских снов жил теперь на самой окраине города, так что даже мой манёвранный ковёр-самоход добирался туда не меньше часа. По пути на одной из остановок я увидел Нюру и не удержался, чтобы хвастливо не припарковаться рядом.

– Как дела у младенцев? – поинтересовался я. – Установлен новый рекорд по количеству выполненных первых желаний?

– Горыч, – устало вздохнула Нюра. – Я тебя убью. Видеть не могу твою счастливую рожу. И пусть меня посадят в императорскую тюрьму и приговорят к повешению, мне уже всё равно. Хоть выплюсь перед казнью.

Она закрыла глаза и мечтательно произнесла:

– А потом ко мне придет Абатыч, и я ему такое последнее желание загадаю!

– Ладно, пока ты меня ещё не убила, я полетел утирать нос Департаменту, – ответил я, водружая себя обратно на ковер.

– Эй, – запоздало крикнула мне в спину Нюра, – а кто тебе транспортное средство доверил? И почему ты не в больнице?

Последняя фраза показалась мне странной. Но я списал ее на неудачную попытку пошутить. Как оказалось, зря.

Мне всё ещё везло. Васю Коновалова я застал точно по тому адресу, что выдали в школе. Не знаю, как должен выглядеть повзрослевший Мажмемуратик, но явно не посиневшим от запоя лохматым мужиком в рваной и грязной тельняшке.

– Инспектор отдела исполнения желаний, – представился я. – У меня к вам несколько вопросов.

– Ну, проходи, инспектор, – Вася отошёл от двери и, покачиваясь, повёл меня в комнату. Квартира была под стать хозяйину: неприбранная, пыльная, затхлая... В коридоре валялась разбросанная старая обувь, на ободранную стену пьяно опирался покосившийся шкаф, а в углу лежал насквозь проеденный молью ковер-самоход. Но самым ужасным был запах...

– Меня интересует вот что... – присаживаясь на самый краешек стула, спросил я. – Вы можете припомнить, с каких пор вам перестало везти в жизни?

– Мне? – удивился Вася. – Да мне, братуха, всю жизнь не везло... Я ведь, знаешь, какой талант был? Меня во сне снимали! Не веришь?

– Да знаю я, знаю. Мажмемуратиком.

Вася посмотрел на меня, как на святого. По его небри-той щеке пробежала крупная слеза, потыкалась в уголок

рта, но проскользнуть не сумела и скатилась по подбородку на шею, закончив свой жизненный путь в районе кадыка.

– Сейчас... я сейчас... – он неожиданно засуетился, вскочил с табурета, стал шарить под кучей тряпья в углу и, наконец, раскопал бутылку медовухи. Торжественно установил её на стол, но тут же снова встал, бросился за вторым стаканом, а заодно вытащил из шкафа старую открытку со своим изображением и вывел на ней огрызком карандаша автограф.

– Держи! – широким жестом он протянул мне открытку. – Меня до сих пор смотрят. А почему? Талант потому что! Народ он знает, кого любить, а эти... сволочи... хоть бы кто роль предложил.

Вася разлил медовуху и поднял свой стакан:

– За истинное искусство, неподвластное времени!

Я подержал стакан в руках, но пить не стал. Аккуратно поставил на стол и спросил:

– А когда вас перестали снимать?

– А... – отмахнулся Василий, закусывая сухой хлебной коркой. – Долгая история. И печальная. Но я ещё вернусь! Назло всем вернусь. Они ещё вспомнят, кто такой Васька Коновал. Ещё пожалеют, что пренебер... пренберегл... пренебрегали.

– Не припомните, из ваших прежних одноклассников кто-то ещё прославился также, как вы? Неожиданно. Или, может, внезапно разбогател? Или ещё что—то...

– Из одноклассников... – пьяно посмотрел на меня Вася. –

Не... куда им... Мишка профессором стал, говорят. Да какая это слава – быть профессором? Я бы тоже может смог, но не хочу! Не хочу и всё. Я – человек искусства, понял?

– А кроме Мишки? – я упрямо гнул свою линию.

– Кроме него... Да никто кроме него. Мишка да я... Как на одной парте сидели, так вместе и прославились. Счастливая нам парта попалась.. Хотя.. Ну да, Валерка еще конкурс выиграл. В одиннадцать лет...

Васина голова склонялась всё ниже и ниже, по-моему, он засыпал.

– Какой Валерка? – потормошил я его.

– Федюкин, – произнёс Вася, и его голова упала на грудь.

Уходил я под мощный и совсем неартистичный храп. Было почти пять, оставалось три часа работы, и я решил вернуться в школу, чтобы узнать адрес счастливого Федюкина. Нет, чтобы сразу все адреса переписать, дурень...

Везение мое закончилось также внезапно, как и началось: на Лешем разезде я все—таки попал в пробку. Ожидали ковер—караван из Восточного халифата – купцы везли товары на ежегодную Имперскую ярмарку. Минут через двадцать появился и сам караван: медленно ползущий многоярусный ковер, по которому сновали раскосые смуглые слуги в пышных чалмах. На одном из нижних ярусов играл диковинный восточный оркестр, танцевали полуголые красавицы и сидели купцы в богато расшитых тёплых халатах. Купцы нето-

ропливо пили зелёный чай и с любопытством разглядывали город, позабыв о танцовщицах. Оно и понятно, танцовщицы уедут с ними обратно, а город останется на месте. Едва караван миновал Леший разъезд, я вырвался на оперативный простор, но тут, как назло, забарахлил мой ковёр. Дёрнулся несколько раз и спикировал на обочину дороги. Полчаса я убил, чтобы связать разорванные нити основы нужным узлом, так что прибыл в школу уже в начале восьмого. И тут меня ждало главное разочарование: оказалось, что Валерий Федюкин исчез шесть лет назад.

Злой и хмурый я вышел на улицу, пнул ни в чём не повинный ковер и, усевшись, на его краешек, закурил трубку. Ох, и попадет мне сегодня от шефа! За подделку подписи Поганки, за сломанный ковёр-самоход, за неумелое и неумное расследование. Департаменту нос утёр, как же... Я настолько далеко ушел в дебри своих печальных мыслей, что даже не сразу заметил стоящую рядом женщину.

– Господин инспектор, – тихо сказала она. – извините великодушно, я... вы... вы спрашивали о Валере и я подумала... может, вам известно что-то новое о нём?

Я посмотрел на женщину. Она была немолода и не очень красива, но в её глазах отражалась такая боль...

– А вы кто ему будете? – мягко спросил я, поднимаясь с ковра.

Женщина вздохнула.

– Да в общем-то никто, – ответила она, отводя взгляд.

– Я не из Департамента, госпожа. Рад бы вам помочь, но, к сожалению, никаких новых сведений о Валерии у меня нет. А как он пропал?

– Как пропадают люди... – пожала плечами незнакомка, – они уходят из дома и просто не возвращаются. Валера всегда был удачлив, это его и сгубило – любая удача когда-нибудь да заканчивается... Ввязался в какой—то сумасшедший проект. Ему нужны были деньги. И тут, как обычно, повезло. Один чудак-коллекционер предложил двадцать тысяч за старую детскую игрушку.

– За какую игрушку? – с замиранием сердца спросил я. – Это был мяч?

– Вроде бы... не помню. Да только через пару дней вся Валерина затея рухнула. От сумасшедшей идеи остались сумасшедшие долги... А потом и он пропал.

– А имя? Имя того чудака вы знаете? Хотя бы приметы?

– Я никогда его не видела... Да и приходил он не сам, какие-то молодые люди. С виду очень на бандитов смахивали, но зачем бандитам детская игрушка...

Я медленно ехал по направлению к нашей конторе и размышлял. А ведь прав был Михаил Степанович! Этот самый рах deorum действительно существует. Всё складывалось в удивительно логичную цепочку да только... только где ж искать того самого коллекционера в огромном городе? Пожалуй, стоило поделиться этой информацией с Поганкой.

Всё, что было в моих скромных силах, я сделал... Эх, а жаль всё-таки, что Департаменту нос не удалось натянуть!

Полдевятого я был у дверей конторы, аккуратно свернул ковёр и отнёс его на склад. Хотел было уже идти домой, но увидел, что в окнах нашего кабинета горит свет. Меня это заинтриговало. Поднялся на второй этаж, толкнул дверь и с удивлением замер на пороге: вся наша компания была в сборе. Полдевятого вечера! Мои коллеги обернулись на шум распахнутой двери, и на их лицах появилось какое-то странное выражение. То ли заботливое, то ли удивленное...

– Что сказал врач? – спросила за всех Анфиска.

– Какой врач? – удивился я.

– Ты что не ходил врачу? – обеспокоено произнесла она. – Так нельзя. Мало ли какая зараза могла в кровь попасть.

– Да какая зараза?! – я ничего не понимал. Разыгрывают они меня что ли?

– Куда он тебя укусил? – перехватил инициативу всезнайка Алфи. – Если слегка, то следовало промыть ранку спиртом. А если до крови, то к врачу нужно обязательно. Хочешь, я санитаров вызову?

– Всё, что я хочу, – перебил я его, – это понять, что здесь происходит!

– Горыч, – недоуменно глядя на меня, произнес Мальдус. – Ты ведь сам сказал, что тебя укусил профессор Императорской изотерической академии!

Я облегченно рассмеялся. Прошёл под пристальными

взглядами к своему столу, уселся на место и сказал:

– Вы что не в курсе, что наш Мальдус шуток не понимает?

Мои слова тут же взорвали напряженную тишину. Анфиска принялась ругать Мальдуса, тот волком смотрел на меня. Абатыч со Штейном хохотали, чуть ли не сползая под столы и лишь Нюра, покрутив пальцем у виска, вернулась к своим бумажкам.

– А почему никто с работы не расходится? – едва шум немного утих, поинтересовался я. – Вышел указ о продлении рабочего дня?

– Совещание у нас в девять, – ответил мне Штейн, все еще хихикая. – Какой-то тип из Департамента проводит. Сказано, всем присутствовать. В полном составе. Так что, как некушанный, ты тоже обязан остаться.

Я тяжело вздохнул. Ох, и не люблю я эти занудные совещания, наверняка опять о том, как повысить эффективность работы...

– Я согласен на санитаров! – сообщил я Штейну. – Можешь даже меня укусить.

– Фиг тебе, – ответил он. – Страдать так всем вместе.

Совещание началось не в девять, а ближе к десяти – в Общем зале, что на третьем этаже. Полоса невезения всё ещё продолжалась: моё любимое место у окна за колонной заняла незнакомая девушка из Отдела праздников. В этом отделе работают исключительно красивые женщины, и за гла-

за их называют феями. Что столь же ненаучно, как и термин «джин». А я-то мечтал незаметно подремать за колонной или, если повезёт, понаблюдать за вечерними испытаниями скатертей-самобранок. С третьего этажа прекрасно виден весь двор фабрики, что находится по соседству с нашей конторой. Пока я нерешительно топтался в проходе, все места позанимали. Осталось лишь несколько свободных прямо у сцены. Вздохнув, я поспешил занять хоть какое—то...

То тут, то там среди сидящих виднелись серые мундиры с синим треугольником на груди – в отличие от нас работники Департамента обязаны были носить форму. Но даже их присутствие меня не насторожило. Лишь когда на сцене показался шеф в сопровождении полковника Лямута, директора этого самого Департамента, до меня стало доходить, что случилось нечто из ряда вон. Чтобы Лямут да добровольно пришел под нашу крышу?

– Всем меня слышно? – никак не поприветствовав сидящую публику, спросил полковник. – Так вот, ситуация крайне серьёзная. Сами понимаете, если даже такой малоприспособленный к государственной службе... э...

Лямут явно хотел сказать «сброд», но вовремя остановился.

– ... контингент, как ваш МУП приходится задействовать в операции.

По рядам прошелестел недовольный шум, но тут же стих.
– Завтра у нас в городе открывается Императорская яр-

марка, – продолжил Лямут. – В город уже прибыли иностранные купцы, и мы сильно обеспокоены их безопасностью. А говоря прямо, безопасностью их товаров. В этом случае, как вы знаете, Император обязуется выплатить всем компенсацию.

– ... за что и дерёт три шкуры с купцов... – едва слышно пробормотал кто—то за моей спиной.

– Сейчас я сообщу вам то, что вы должны держать в строжайшем секрете... – полковник сделал многозначительную паузу, обвёл глазами притихший зал и продолжил. – Уже несколько лет... если быть точным, то почти десять... в столице орудует банда грабителей. Не нужно хихикать, я вам тут не клоун на арене! Это не просто банда – это неуловимая банда. Не-у-ло-ви-ма-я. Мы знаем, кто её возглавляет, знаем, где он живет, но поймать этого проходимца никак не удастся. Зовут его Фласт и такое впечатление, что он заколдован. Или невероятно удачлив. С каждым годом банда становится всё наглее и наглее. Вы, конечно, слышали о похищении партии новейших ковров-самолётов со склада...

Я вынырнул из речи Полковника и закрыл глаза, боясь, что залетевшая в мою голову шальная мысль сейчас ускользнёт от меня, как скользкая рыбина от незадачливого рыбака. Невероятно удачлив... Ну, конечно! Именно этот Фаст и скупает детские игрушки у людей, которым везло в жизни. У меня не было доказательств, не было логического объяс-

нения своей уверенности, но я чувствовал – это он. Забавно... Получается, Михаил Степанович вовсе не первый открыл теорию подаренной удачи.

– ...именно поэтому, – снова ворвался в моё сознание голос полковника, – было решено задействовать всех государственных служащих. Времени до ярмарки почти не осталось, а Фаст до сих пор бродит на свободе. Сейчас вам выдадут его портреты...

Люди в серых шинелях, сидевшие в зале, одновременно поднялись и пошли по рядам, раздавая рисунки – Лямут любил планировать все свои действия до мелочей. Что ж, придётся мне немного нарушить его планы.

– Извините, полковник! – я поднялся на ноги. – Можно вопрос?

Полковник вытаращил глаза. По лицу шефа пробежала болезненная гримаса. Сзади послышалось удивленное шушуканье, и я невольно оглянулся на зал. Шушуканье резко смолкло, все напряжённо смотрели на меня. Даже девушка, занявшая моё место, высунулась из-за колонны и теперь с любопытством наблюдала за разворачивавшейся сценой. «Какая она все—таки красивая», – неожиданно подумал я.

– Кто это? – Лямут обернулся к шефу.

– Инспектор Потапенко, господин полковник, – ответил тот, благоразумно опуская название отдела и моё скромное положение стажёра.

Полковник пожевал губами, мрачно посмотрел на меня и выдавил:

– Ну?

– Вы сказали, что знаете, где живёт Фаст. Можно поинтересоваться, ваши люди обыскивали его дом?

– Инспектор... как вас там... Потапенко, вы в своём уме?!

– Господин Полковник, это вовсе не праздное любопытство. Возможно, наш отдел уже решил проблему Фаста, но мне необходимо уточнить некоторые детали.

Лямут снова обернулся к шефу, и в его глазах явно читался вопрос: этот мальчишка – сумасшедший? Только вот шефу терять было уже нечего. Поэтому он рискнул:

– Я вас прошу, полковник, ответьте этому юноше.

– Да, мы обыскивали дом Фаста, – чуть помедлив, заявил тот.

– А не было ли там комнаты... или другого помещения... где хранится очень, подчеркиваю, очень много старых детских игрушек?

Взгляд полковника изменился. Теперь это был подозрительный взгляд профессионального сыщика.

– Очень много – нет, – ответил он, – но мы действительно нашли тайник, в котором лежали плюшевые мишки, игрушечные ковры-самолёты и всякая прочая дребедень.

– Тогда я знаю, как нам лишить Фаста удачи! – решительно заявил я. – Более того, уверен, что он попадётся в самое ближайшее время.

Недели через две мы всем отделом сидели в таверне Бри-того Гнома, отмечая успешное окончание дела – ведь дело закончено лишь тогда, когда сдан последний отчёт. Пили замечательный темный эль и слушали живую музыку в исполнении маленького ансамбля из городских предместий. Таверну на целый вечер оплатил Михаил Степанович в благодарность за возвращённый ему детский мяч. Сам он сидел тут же, рассказывал смешные истории, пил вместе со всеми и вообще оказался мировым мужиком.

– Совсем забыл, – вдруг заявил он после очередной выпитой чаши, – я же тебе маленький презент принес.

– Какой? – заинтересовался я. Большие подарки от профессора мы все уже давно получили.

– Вот, – и Михаил Степанович вытащил яркую открытку с рекламой нового сна. На открытке крупными жёлтыми буквами на фоне ночного города было написано «Мажмемуратик возвращается».

– Я свой мяч Ваське Коновалову отдал, – глядя на моё удивленное лицо, пояснил профессор, – временно. И предупредил: я тебя только вытащу, дальше – сам.

– А я помню его первый фильм, – заявил Абатыч, заглядывая мне через плечо, – идиотская история о добром духе, разыскивающем пропавшую принцессу. Я её и в детстве—то терпеть не мог. Представляю, что...

– Подожди! – оборвал я его и повернулся к профессору. –

Михаил Степанович, а можно мне личную просьбу?

– Пожалуйста, – улыбнулся тот.

– Там... в вашей бывшей школе женщина одна работает. Подруга вашего пропавшего одноклассника Валеры. Я вас очень прошу! Хотя бы на неделю можно ей мяч отдать? Вдруг этот Валера найдётся?

Михаил Степанович как—то странно посмотрел на меня, словно видел в первый раз. Махнул рукой официанту, чтобы тот принёс ещё по чаше эля, и сказал:

– Конечно, Горыч! Это будет самым правильным окончанием дела о потерянной удаче. Верно?

Дело бакенщика

Воскресный вечер был тихим и чудесным – безветренным, тёплым, с нежной корочкой розового заката. Я гулял по набережной Альтаны, разглядывая рыбаков, дремлющих на водных коврах в ожидании поклёвки, и перебрасывался игривыми фразами с русалками, загорающими в лучах заходящего солнца. А когда день почти скрылся за горизонтом, наблюдал, как по темнеющей реке неторопливо плывет бакенщик и зажигает на бакенах огоньки. Это было изумительно красиво: в темноте вспыхивал большой жёлтый шар и поднимался над водой, привязанный за тонкую светящуюся нить. Ночью между этих жёлтых шаров поплывут грузовые караваны, везущие в столицу камень из каменоломен Гномьего карьера и дерево из лесов Ражневы. Невидимый с берега бакенщик казался мне почти мифической фигурой, древним речным магом, дарующим людям свет.

Утро понедельника выдалось хмурым и неприветливым. Загулявшее вечером солнце так и не вернулось, и по небу ползли рваные серые тучи, сыпя мелким, едва заметным дождём. Ко всему прочему, я опоздал на работу. И едва завернул за угол нашего трехэтажного здания, как столкнулся с выходящим из конторы Абатычем.

– Горыч, – прорычал он, – где тебя шайтан носит?

– Ну, извини, – смущённо улыбнулся я, – проспал немного.

– Немного... – передразнил меня Абатыч, вытирая вспотевшую лысину. – Наша кукушка уже вторую бутылку с утра допивает, а он немного... Разворачивайся и лови ковёр, со мной поедешь.

После истории с поимкой неуловимого Фаста я уже не считался стажёром, но и полноценным инспектором ещё не был. Каждый инспектор имеет свою специализацию. Свой талант, как любит выражаться наш шеф. Вот только у меня никаких талантов и склонностей не было. Мне было интересно всё, но помаленьку. И ребята решили таскать меня на задания – каждый на своё, хоть какая, а польза. Сегодня, значит, дошла очередь и до Абатыча.

– К покойникам или в тюрьму? – спросил я.

– Раз берём перевозчика, – раздражённо ответил Абатыч, – значит в тюрьму. Покойники фиг тебе транспортные оплачивать будут.

Абатыч был явно не в себе.

Как выяснилось, разозлили его результаты вчерашних козых бегов. В отличие от меня, наш специалист по последним желаниям – азартнейший болельщик. Да ещё и игрок на тотализаторе. Я к козым бегам равнодушен: знаю, что за тридцать минут нужно объехать на кривой козе как можно больше человек, которые ещё и бегают по полю. Знаю, что

последние четыре года главный приз берёт какой—то Бора, не то гном, не то даже гномарий. Гномарий – это тот, кто сделал операцию по перемене вида. Редкий случай, да и не любят у нас в народе «перебежчиков». Впрочем, Бора всегда отрицал сей факт своей биографии. Ну а вчера он должен был выиграть чемпионат в пятый раз и войти в историю спорта, как непревзойдённый наездник. Но неожиданно проиграл совсем неизвестной наезднице из приграничной деревни.

– На бегах-то вчера были? – спросил хозяин ковра, едва мы расположились за его спиной.

Абатыч скрипнул зубами, но промолчал.

– Как эта девчонка Бору сделала, а?! – не унимался наш извозчик. – Как младенца! И кто теперь вспомнит, что он мог стать великим, я вас спрашиваю? Зато все будут смаковать это позорище... проиграть какой-то рыжей пигалице, первый раз на козу севшей.

– По сторонам смотри! – проворчал Абатыч. – А то въедем сейчас куда—нибудь.

Хозяин ковра не обиделся. Оглянулся сочувственно на моего спутника и спросил:

– Что, проигрался, брат? Бывает...

До сегодняшнего дня я ни разу не был в тюрьме. Поэтому с любопытством вертел головой по сторонам, пока мы шли длинными коридорами куда-то в глубь Гарибы – император-

ской тюрьмы, расположенной внутри большой горы на северной окраине столицы. Когда-то Гариба была вулканом, и в доисторические времена преступников просто сбрасывали в жерло. Когда пятьсот лет назад в Империю пришли гномы, вулкан уже давно утихомирился, да и нравы стали более мягкими, и Гарибу было решено превратить в большую императорскую тюрьму. С тех пор под ней вырыто столько подземных ходов, камер, помещений, кладбищ, что полного представления о том, что и где расположено, не имеет сейчас никто. Ходят слухи, что под Гарибой есть большое подземное озеро и даже живут беглые заключенные, но достоверных фактов об этом нет, а пара полицейских экспедиций, организованных Департаментом памяти, вернулась ни с чем.

Лет двести назад за приговоренными к смерти признали право на последнее желание, и стали допускать в тюрьму нас – исполнителей этих самых желаний. В наши либеральные времена казнят не так уж и часто. А ветераны помнят еще годы правления Стояна, когда по последним желаниям приходилось трудиться круглые сутки. Ну да, слава звёздам, те времена давно миновали и официально осуждены Большим Императорским Домом.

Из коридора мы вынырнули в большой зал со множеством выходов и спешащими по своим делам людьми в чёрных шинелях. Тюрьма находилась в ведомстве Департамента памяти, но чисто номинально. Настоящим и практически безраз-

дельным её владыкой был Иштван Шинари, шеф-директор Гарибы, признававший над собой только Императора.

– День добрый, – Абатыч протянул руку огромному троллю, скучавшему возле зарешёченной двери. Тролль осторожно пожал её своей огромной лапищей и вопросительно посмотрел на меня.

– Это со мной, – кивнул Абатыч, – смену готовлю. Инспектор Потапенко, можешь звать его просто Горычем.

Великан неожиданно оживился и с интересом посмотрел на меня.

– Это не ты Департаменту на лицо наступил? – дружелюбно пробасил он.

– Он, он, – ответил за меня Абатыч и добавил, – выражение такое у троллей. Объехал на кривой козе, значит.

И тут же скривился, как от зубной боли. Воспоминание о вчерашних бегах явно не улучшило моему спутнику настроения.

Даже в сидячем положении тролль возвышался надо мной на целую голову. Поэтому, когда он одобрительно хлопнул меня по плечу, я чуть не шлепнулся на пол. Да уж, Департамент памяти не любили даже в тюрьме.

– Пойдёте прямо до щербины на углу, – тем временем давал указания тролль, —затем налево до столба, что от старой виселицы остался, а затем ещё раз налево пятая... нет, шестая камера. Бакенщик там сидит, что на прошлой неделе поймали. Три дня до казни осталось.

– Бакенщик? – удивился я.

Но мой возглас утонул в проклятиях Абатыча.

– Ядовитого ежа в горло этим бюрократам! – возмутился он. – Крысы чернильные! Раньше нельзя было вызвать? Три дня! А если он луну с неба попросит?!

– А вы и такие желания исполняете? – заинтересовался тролль.

– Приговорят тебя, – буркнул Абатыч, – тогда и узнаешь. Пошли!

Стальная решётка на входе поднялась, и мы вошли в небольшое помещение с единственным горящим светильником. Пока мои глаза привыкали к полутьме, Абатыч разыскал встроенный в стену шкаф с надписью МУП «Счастье» и вытащил оттуда балахоны из грубой серой ткани и толстую палку с остро заточенным наконечником.

– Крыс бить, – пояснил он.

– А нас что, никто провожать не будет? – удивился я.

– Вот ещё, – хмыкнул Абатыч. – Им за это не платят. Так что всё ценное оставь здесь в шкафу. Да ты не пугайся, Горыч! Это поначалу боязно, а потом привыкаешь... Три тысячи шайтанов! Чует моё сердце какую-нибудь пакость нам этот бакенщик готовит.

Мы подошли ко входу в подземный лабиринт, также забранному крепкой решёткой, и Абатыч крикнул троллю:

– Эй, служба, открывай!

Решётка медленно поползла вверх. За нею открывался длинный тёмный коридор. Мрачные, едва обработанные своды и тусклый, словно гаснущий свет. В его непривычно красноватом отблеске я разглядел несколько трещинок в скале, сквозь которые просачивалась влага, питая бледный чахлый лишайник. Наверное, так начинается дорога в ад.

– Удачи! – донесся до нас возглас тролля, и решётка со скрежетом опустилась за нашими спинами.

До щербины на углу идти оказалось не так уж и долго – минут пять. Следуя указаниям охранника, мы повернули налево, в узкий проход, где едва можно было разойтись вдвоем.

– А что он такого мог натворить? – спросил я. – Бакенщик? Вроде такая мирная профессия.

Абатыч усмехнулся.

– Мирная... Ты хоть с одним бакенщиком знаком?

– Нет, – честно признался я.

– Какой ты ещё, в сущности, ребёнок, – вздохнул Абатыч.

Я обиженно засопел. Нашёл ребенка. Этот ребёнок, между прочими, недавно Департамент уел!

– А о жизни ни шайтана не знаешь, – словно прочитав мои мысли, произнёс Абатыч. – Река вообще самое гнилое место в городе. А уж среди бакенщиков кого только нет... И ложные бакена ставят, чтобы водные ковры с фарватера сбивались, и с лихим речным народцем дружат. Водный ковёр на мель садится, речной народец пассажиров грабит, а бакен-

щикам долю отстегивает. Только в эту навигацию три рейса до нитки обобрали. На последнем люди с пляжа возвращались, взять-то нечего – плавки да купальники, а всё равно... Долго потом барыги на Ипподромском базаре из-под полы купальниками торговали. Смотри-ка, вон и столб от старой виселицы! Хорошо нынче идем, без приклю...

Абатыч не договорил. Узкий тесный коридор закончился небольшим залом с высоким массивным каменным столбом посередине. Какая-то едва различимая тень метнулась по залу и притаилась за столбом. Мой спутник приложил палец к губам, поудобнее перехватил свою палку и свободной рукой показал, чтобы я обходил столб с другой стороны. Так мы и двинулись, осторожно беря таинственного незнакомца в клещи. Сердце моё колотилось о ребра, пытаюсь выломать хоть одно, выскочить на волю и дать дёру от неизвестной опасности. Но я шёл. Шаг, и ещё шаг, и ещё... И тут моим глазам открылось поистине удивительное зрелище: за каменным столбом сидел маленький полупрозрачный человечек и отчаянно дрожал. Таких существ я никогда раньше не видел. Взлохмаченный, с куцей бородёнкой, в длинном светлом балахоне он испуганно вжимался спиной в столб и смотрел на нас затравленным взглядом. Глаза у существа были красными, словно воспаленными, а на шее поверх балахона болтался обрывок веревки.

Абатыч неожиданно расслабился и даже слегка ухмыльнулся..

– Пожалуйста! – проканиючил человек. – Не трогайте меня!

Я вопросительно посмотрел на своего спутника.

– Ты везунчик, Горыч, – сказал он. – Сколько лет хожу по Гарибе, а тутайчика встречаю в первый раз.

– Кого? – не понял я.

– Видишь у него верёвку на шее? Это тутайчик – привидение повешенного. Говорят, раньше их было много в Гарибе, но с тех пор как нынешний император отменил казнь через повешение, почти всех переловили.

– Пожалуйста! – продолжал ныть человек.

Абатыч не обратил на него никакого внимания.

– Днём эта тварь совершенно безопасна, – продолжал он, – даже беззащитна. Если я сейчас возьму за веревку, то он пойдёт за мной, не сопротивляясь. Кстати, за тутайчика полагается премия – триста рублей. Если ещё не отменили. Так что не зря сходили сегодня, сдадим охранникам, а деньги пополам разделим.

– Не надо! – в ужасе воскликнул человек и попытался скользнуть в сторону, но Абатыч ловким движением ухватился за веревку.

– Может, отпустим его? – предложил я. – Жалко, беднягу.

– Жалко?! Да ты знаешь, что эти твари по ночам делают? Раньше половина арестантов до утра не доживала – с разорванными глотками находили. А охранники даже не совались в коридоры ночью. Жалко... Ты лучше людей пожалей!

Я с сомнением посмотрел на тутайчика.

– Я не такой! – всхлипывая, запричитал тот. – Меня невинно повесили. Вы должны знать, что невинно повешенные не пьют кровь.

– Все вы так говорите, – брезгливо бросил Абатыч.

– Постой... – сказал я. – Неправильно как-то у нас получается. А вдруг его действительно ни за что осудили? Не могу я так... Чувствую, что неправильно, понимаешь?

Абатыч посмотрел на меня и со злостью плюнул на пол.

– Три тысячи шайтанов! – выругался он. – Какой же ты ещё молокосос, Горыч.

Он выпустил веревку из рук, обернулся и зашагал к выходу из зала. Остановился, плюнул ещё раз и направился к другому – тому, что вёл к камере бакенщика. Я вздохнул и двинулся следом. Ну, молокосос, да... наверное. Зато на душе легче.

Я так далеко ушёл в свои мысли, что даже не сразу заметил, как кто-то дёргает меня за рукав. Оказалось, что тутайчик.

– Чего тебе? – спросил я.

– Возьмите меня с собой, добрый господин, – жалобно попросил он, – Семьдесят лет уже по этим коридорам мыкаюсь.

– Куда же я тебя возьму? – от удивления я даже остановился.

– Домой! – заявило это странное существо. – Я вам верой и правдой служить буду! Ни один вор ночью не проберётся,

домовой хулиганить не будет, от любого сглаза уберегу! Я много чего умею, только возьмите. Сил моих нет здесь находиться.

Я посмотрел на его умоляющее выражение лица и... не смог отказать.

Бакенщик спал. Мы стояли у решетки камеры и наблюдали, как по его лицу проплывают облака, как гаснет вечерний закат, как зажигаются жёлтые огни над бакенами, освещающая сонные воды Альтаны. Его сны были почти осязаемыми и удивительно светлыми.

– Кхм, – негромко кашлянул Абатыч.

Сны испуганно разбежались, бакенщик открыл глаза и непонимающе посмотрел на нас.

– Инспектор отдела исполнения желаний, – представился мой спутник. Голос его прозвучал сухо и официально. Мысленно я восхитился: уметь оставлять себя в гардеробе – этого безуспешно требовал от меня шеф. А я обычно вваливался в дело, словно в гости к друзьям, не скрывая симпатий и антипатий.

Бакенщик сел на своем каменном ложе, едва прикрытом тощим тюремным матрасом, провёл пятерней по непослушным длинным волосам и безо всяких приветствий задал интересующий его вопрос:

– Ежели я последним желанием любовь выберу, это не запрещено?

– Да нет, и девку подберем, и комнату поприличнее выделим, – со странной смесью облегчения и разочарования произнёс Абатыч.

– Не понял ты... – покачал головой бакенщик. – Девочку меня и так было... как бакенов до устья. Про любовь я. Вот её никогда не было. Знаешь, я когда там окажусь, – он ткнул пальцем в потолок, смутился и тут же перевернул палец вниз, – в аду то есть... Она мне помогать будет.

– Как это? – нарушая субординацию, спросил я.

– Слышал я от деда байку одну... – немного помолчав, ответил бакенщик. – Дед говорил, что в аду тыщу лет мучиться будешь, ни на минуту тебя черти не оставят. Единственное, ежели тебя кто при жизни любил сильно. Тогда черти этому каждый день удивляться будут, а ты в это время отдыхать. И чем сильнее тебя любили, тем отдых дольше. Ну это... я и подумал: к чему мне сейчас удовольствия? Полюбила бы меня перед смертью девчонка какая! Хоть на несколько секунд облегчение будет...

Мы с Абатычем удивлённо переглянулись: вот это желание так желание! И как его прикажете выполнять? Это же невозможно!

Знакомая дорога шаги ворует. Эту пословицу я часто слышал от Нюры – народ карликовносов обожает придумывать подобные сентенции. Недаром на последнем чемпионате мира по философии карликиносы заняли восемь первых мест.

Философию я вообще люблю гораздо больше, чем козьи бега, стараюсь не пропускать ни одного соревнования. Очень умный спорт! В некоторых странах даже наукой считается, но это, конечно, перегиб. Профессиональная философия требует основательной подготовки, но всё же она ближе к искусству, чем к науке. Особенно в произвольном выступлении, где в отличие от короткого и обязательного, тему спортсмен выбирает сам.

Поговорка карликовносов вспомнилась мне, когда мы были шагах в пятидесяти от выхода из Гарибы. Обратная дорога действительно своровала у нас немало шагов – по крайней мере, я был в этом уверен. План по выносу тутайчика предложил Абатыч. Ничего сверхъестественного, обычная смекалка. Маленькое привидение просто залезло в мешок, который хранился в шкафу нашего МУП «Счастье», я взвалил мешок на плечи, и мы направились к зарешёченному выходу.

– Эй, служба, – привычно выкрикнул Абатыч, – открывай давай.

Решётка поднялась, мы снова оказались в обществе тролля, и тот с любопытством поинтересовался:

– Чего это вы тащите?

– Форму на стирку, – равнодушно ответил Абатыч.

Когда нужно, он всё-таки умел оставлять себя в гардеробе – мой голос наверняка дрогнул бы. Тролль посмотрел на мешок, но ничего не сказал. Закрыл за нами решетку и вернулся к своему любимому занятию – дремле на байдар-

ках. Вернее, в огромном, изготовленном на заказ, кресле.

Тутайчик был хоть и невысоким, но килограммов двадцать весил точно. И пока мы шли по коридору на улицу, я несколько раз перекидывал мешок с плеча на плечо, упрямо не опуская его на землю. Так бывает, придумаешь себе нелепую примету и суеверно следуешь ей. Вот и мне казалось, что стоит хоть раз опустить мешок на землю Гарибы, как она придумает способ вернуть похищенное обратно. Но нет... Навстречу нам проходили люди в серых и чёрных шинелях, кто-то торопливо обгонял, спеша к выходу, но никому до нас не было никакого дела. Лишь когда мы, наконец, выбрались в город, и остановились, чтобы поймать свободный ковёр, я опустил свою ношу. Эта земля уже не принадлежала Гарибе.

– Хочешь, я сам шефу заявление отвезу? – спросил я Абатыча. – Мол, так и так, желание совершенно невыполнимое... Вот только домой заеду.

И взглядом показал на мешок. Абатыч как-то странно посмотрел на меня и вдруг сказал:

– Не надо заявлений. Мы будем работать.

– Над чем? Как может кто-нибудь влюбиться в незнакомца, которому осталось два дня до казни?!

– Не знаю... Да это и неважно. Мы стали чёрствыми, Горыч, понимаешь?

Я отрицательно помотал головой.

– Мы перестали понимать, для чего работаем. Знаешь...

Когда я попаду в ад – а я туда попаду, не сомневайся, за одну только игру на бегах попаду – пусть шайтан каждый день удивляется, что я пытался выполнить это невероятное желание.

– Так и рождаются легенды, – вздохнул я. Сердце моё тихонько шептало мне, что Абатыч прав.

Квартал Пьяных Горшечников начинается сразу за шумным Волокитовским рынком. Вопреки своему названию, пришедшему из глубины веков, это спокойное и уютное место. Маленькие одноэтажные домики с увитыми плющом террасами, узкие мощёные улицы, где едва-едва разъезжаются два ковра-самохода, вишнёвые сады и какая-то своя особая атмосфера.

Я жил здесь два года – после того, как неожиданно получил в наследство дом от старого хозяина, не то четвероюродного дяди, не то дедушки пятой воды на киселе. И, честно говоря, планировал прожить всю оставшуюся жизнь. Я любил вечерами сидеть под старо черёмухой и неторопливо пить красный чай из широкой пиалы, закусывая белыми сладкими сухариками, чуть поджаренными на огневичке – специальной печке с открытым огнём. Любил смотреть, как закат ложится на верхушки вишен и стекает по тонким ветвям на землю. Любил греться у камина, читая долгими зимними вечерами толстые книжки из библиотеки, доставшейся мне вместе с домом. Любил приглашать гостей в старый

подвал, где при прежнем хозяине стояли толстые бочонки с заморскими винами. Жаль, но в отличие от библиотеки, ни одного бочонка мне не осталось. Хотя... вряд ли бы я променял на вино книги. Лучше уж так, чем наоборот.

Попав в дом, и окончательно убедившись, что я действительно выполнил свое обещание и вытащил его из Гарибы, тутайчик от нахлынувших чувств расплакался. Затем спохватился, что его примут за бездельника, обрушил на меня ворох благодарностей и умчался осматривать подведомственную территорию. Верёвку я с него снял. Во-первых, нечего пугать моих гостей, когда они придут. А во-вторых, зачем мне охранник, которого можно спокойно увести за собой? Оставив тутайчика осваиваться на новом месте, я прикрыл калитку во двор и отправился по адресам, которые дал мне Абатыч. Надежда, честно говоря, была слабой. А если совсем уж честно, её вообще не было. Все эти конторы, торгующие приворотными зельями – сплошное шарлатанство. Но что делать... упавший с ковра-самолёта хватается за ветер. Ещё одна расхожая поговорка карликовносов.

Самая известная из фирм, специализирующихся на приворотных зельях, располагалась неподалеку – сразу за Волокитовским рынком. Не доходя до него, я поднялся на Пешеходный мост и направился на другую сторону широкого проезжего тракта. Пешеходный мост по нынешним временам – редкость. Там, где дорогу переходить надо, обычно гномы

подземные ходы роют, а затем в переходах места под торговые лавки сдают. Но у Волокитовского рынка почему-то возвели именно мост.

– Расступиться! Всем немедленно расступиться! – донёсся до меня громкий крик с улицы. Я остановился и с любопытством посмотрел на проезжую часть. Ковры-самоходы замедляли ход и сворачивали к обочине. А по самой середине на полной скорости нёсся ковёр-самоход Департамента памяти с десятком солдат в шинелях с синим треугольником. На краю ковра сидел большой толстый попугай и заученно орал на всю улицу:

– Расступиться! Всем к обочине! Немедленно расступиться!

Департамент опять ловил опасного преступника.

«Может, Фаст сбежал?» – мелькнула у меня мысль.

Я спустился по каменной лестнице, прошел мимо продуктовой лавки, завернул за угол жёлтого кирпичного здания и вошёл в офис компании «Love-квас». И едва притворил дверь, как меня нежно взяла под локоток девушка-продавец.

– Приворотное зелье? – проворковала она. – Вы сделали правильный выбор, обратившись в нашу компанию. Что есть любовь? Всего лишь химическая формула, открытая учёными нашей компании. В средние века эту формулу безуспешно искали алхимики и пытались приготовить ведьмы. В совершенно антисанитарных условиях, заметьте! В немытом котле посреди средневекового леса, в затхлой болотной во-

де. С падающими в продукт жуками и мошками.

Я попытался вырваться из нежных пальчиков настойчивой девушки, но мне это не удалось.

– И только в век победы человеческого разума, – продолжала она, крепко держа меня за рукав, – в век прогресса и бурного развития химии, формула любви обрела нынешнюю научную стройность. Наши напитки полностью отвечают самым высоким имперским стандартам. Мы торгуем ста сорока пятью видами любовного кваса, включая зелья с ароматическими добавками.

– Э—э... – попытался я вставить в её рекламный монолог свое слово, но оно было безжалостно раздавлено следующим предложением.

– На какой сегмент рынка вы рассчитываете? – допытывалась у меня девушка-продавец, – Блондинки, брюнетки, кикиморы? Или, может, русалки? Речные, озёрные, болотные, прудовые?

– Послушайте... – предпринял я вторую попытку заговорить, но и она не принесла успеха.

– Я вас внимательно слушаю! – заверила меня продавец, но тут же затараторила сама. – Вы можете совершенно не стесняться своих вкусов. Мы выполняем любые индивидуальные пожелания. Хотите любовное зелье, настоящее на девичьих мечтах о принце? Запах гарема? Вы будете ассоциироваться у своей избранницы с падишахом, и она никогда не сможет вам отказать. Хит сезона – приворотное зе-

лье с запахом пота кампучийских мужчин.

– Я буду ассоциироваться с потными мужиками из Кампучии? – хмуро поинтересовался я.

Девушка на мгновение смолкла, и я тут же воспользовался возникшей паузой. Вытащил из кармана удостоверение инспектора и предъявил ей:

– Муниципальное унитарное предприятие «Счастье». Согласно Указа Императора вы обязаны бесплатно предоставить мне любой образец на выбор.

Продавец сразу поскучнела, а мой локоть зажил собственной независимой от её пальчиков жизнью. Мы присели за столик с рекламными проспектами, и я пересказал ей историю бакенщика.

– Знаете, инспектор, – вздохнула девушка, – я, конечно, вам помогу, только... Только реклама – это одно, а... В общем, вряд ли у вас что-то получится. Во-первых, действие любого зелья, чтобы там не говорили, очень кратковременно. А во-вторых... Понимаете, ваш бакенщик должен находиться рядом в момент, когда будущая влюбленная выпьет это зелье.

– Кто выпьет?

– Будущая влюбленная... Понимаю, звучит забавно, но это официально принятый термин. Впрочем, если вашему бакенщику разрешат свидание...

И всё же я взял приворотное зелье. Самое дешёвое. Называлось оно «Утро любви» и воняло, словно средство для

травли тараканов.

Пока я разговаривал с девушкой-продавцом, на улице снова пошёл дождь. На этот раз настоящий ливень. Под козырьком продуктовой лавки собралось несколько человек, и я поспешил перебежать к ним. На обочину тракта выруливали ковры-самоходы, поднимая над собой зонты, некоторые остановились под Пешеходным мостом, пережидая непогоду, и только очередной ковер Департамента торопливо пролетел мимо, унося завернувшихся в шинели солдат в сторону Квартала Пьяных Горшечников.

– Сбежал у них кто—то, что ли... – вслух заметила пожилая дама с большой сумкой продуктов.

– А вы не слышали? – обернулся к ней стоявший рядом мужчина. – Такая афера! На вчерашних козьих бегах были подтасованы результаты. Бора арестован, а победительницу ищут по всему городу. Семьсот тридцать тысяч кто-то в карман положил, представляете?

– А я всегда говорила, – назидательно произнесла дама, – от этих козьих бегов один вред!

– Кому как... – тихо возразил мужчина. – Хотел бы я иметь семьсот тридцать тысяч...

Сердитая туча уползала медленно и нехотя. Ливень стих, лужи жадно глотали последние капли дождя, и я, подумав, решил заскочить домой. Перекусить, переодеться, и уж по-

том отправиться по второму адресу – в агентство знакомств «Купидон». Но въезд в Квартал неожиданно оказался перекрыт сотрудниками Департамента. Высокий и желчный гражданин, лицом напоминавший породистую лошадь, остановил меня на перекрёстке и потребовал документы.

– Инспектор Потапенко? – гражданин оторвал взгляд от удостоверения и оценивающе посмотрел на меня. – Так-так... И что же делает здесь герой «Дела Фаста»?

Слово «герой» было произнесено с нескрываемой иронией и презрением.

– Он здесь живёт, – в тон ему ответил я.

– Очень хорошо... – неожиданно обрадовался гражданин и махнул рукой одному из своих подчиненных. – Эй, Конопата, возьми-ка пару ребят и проверь дом инспектора Потапенко.

Какое-то мгновение мне хотелось устроить скандал и потребовать разрешение на обыск, подписанное моим непосредственным шефом – такова стандартная процедура обыска государственных служащих, но я сдержался. Им только дай повод. Припишут и сопротивление при исполнении, и ещё шайтан знает что. Я кивнул: мол, идите за мной, и двинулся к своему дому. В спину мне полетела тяжёлая усмешка человека с лошадиным лицом. Ох, не нравилась мне эта усмешка! Бояться вроде бы нечего – вряд ли боязливый тутайчик покажется на глаза незнакомым людям, но холодок, пробежавший по спине, не отпускал, не давал расслабиться.

ся. Что-то должно было случиться... что-то очень и очень неприятное.

Тутайчика и вправду нигде не было видно. Трое сотрудников Департамента достали и подключили Сонный шар, чтобы вся процедура была зафиксирована «независимым свидетелем», а затем разбрелись по дому, нарочито тщательно перерывая вещи и раскидывая их по комнатам. Но я заранее дал себе слово не поддаваться ни на какие провокации. Уселся у дверей, достал трубку, закурил и равнодушно следил за перемещениями незваных гостей. Изредка я поглядывал на часы, и это не укрылось от внимания Конопаты – дюжего молодца с рыжей шевелюрой и лицом в конопушках размером с копеечную монету.

– Торопитесь, господин инспектор? – ехидно спросил он.

– Нет, – ответил я. Скажи им, что действительно тороплюсь, так до вечера продержат. Минут через сорок, а может быть через час – после вопроса Конопаты я перестал смотреть на часы – двое его помощников, наконец, вернулись в прихожую. Вслед за ними в помещение вплыл Сонный шар.

– Никого нет! – бодро отрапортовал один из них.

– И ничего подозрительного тоже, – добавил второй.

Я слегка расслабился. И даже снова посмотрел время – прошло уже больше часа.

– Ну что ж... – недобро улыбаясь, произнес Конопата. – Осмотритесь быстренько в прихожей, да не будем больше за-

держивать господина инспектора.

Его тон мне не понравился. Я потянулся было к трубке, но почувствовал, как предательски дрожат пальцы, и сложил руки на коленях, пытаясь унять дрожь. Пока шёл обыск, Конопата несколько раз проходил мимо вешалки с верхней одеждой и... Неужели он что-то подложил в карман плаща? Ну не могут ведь они быть такими сволочами? За что?

– Вы, кажется, нервничаете, господин Потапенко? – донёсся до меня нарочито удивленный вопрос. – Мы ведь уже заканчиваем.

И Конопата обернулся к своим подчиненным. Один из них – плюгавый мужичок со шрамом на щеке – как раз проверял карманы плаща и пары курток, висевших на вешалке. Но чем дольше он рылся в карманах, тем сильнее вытягивалось его лицо. И тем больше нервничал Конопата.

– Ну что там? – наконец, не выдержал он.

– Ничего, – растерянно ответил ему мужичок.

Конопата заколебался. Он бросил косо́й взгляд на Сонный шар, но затем решительно подошел к вешалке. Ловко пробежался пальцами по одежде, ощупывая подкладку, вывернул карманы одной куртки, затем второй, остановился на мгновение, словно не понимая, что происходит, и судорожно принялся осматривать плащ заново.

– Вы, кажется, нервничаете, господин следователь, – язвительно произнес я. – Вы ведь вроде уже заканчивали?

Конопата оставил в покое мой плащ, бросил на меня

неприятный взгляд и направился к выходу. Вслед за ним, прихватив Сонный шар, поспешили его подчиненные. Дверь хлопнула, оставляя меня одного, и я с облегчением вздохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.